

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2001 г.

Phlegontis

DE MIRABILIBUS

Флегонт из Тралл

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Перевод с древнегреческого *М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова, В.Н. Илюшечкина*

Вступительная статья и комментарии *В.Н. Илюшечкина*

Флегонт из Тралл был одним из отпущенников римского императора Адриана (годы правления 117–138 гг.) и, скорее всего, входил в состав его ближайшего окружения. В дошедших до нас фрагментах сочинений Флегонта повсюду разбросаны свидетельства, которые прямо или косвенно указывают на время правления императора Адриана. Так, Флегонт отмечает, что присланный в Рим гиппокентавр находится в императорских хранилищах (Mig. 35), или сообщает, что своими глазами видел человека в возрасте 136 лет, когда его показывали императору Адриану (Mac. 97); одно из своих произведений, «Олимпиады», Флегон посвятил некоему Алкивиаду, о котором доподлинно известно, что он служил у императора (Photius. Bibl. 97.2 = FGH 257 T3). Источники сообщают даже, что автором книг, приписываемых Флегонту из Тралл, в действительности был якобы император Адриан (SHA I 16.1). Современник Адриана Децим Юний Ювенал в одной из своих сатир с сарказмом отзывается о греках – выходцах из Тралл, малоазийского города в Карии, которые «все стремятся к холму Эскивилинскому иль Виминалу / в недра знатных домов, где будут они господами» (Sat. III.71–71, пер. Д. Недовича).

Флегонту принадлежит несколько произведений, из которых наиболее заметными стали «Удивительные истории» (Περὶ θαυμάτων), представляющие собой компиляцию невероятных случаев и фактов. Как правило, удивительные события у Флегонта происходят в обстановке повседневной жизни, без вмешательства сверхъестественных сил, но при этом допускается наличие привидений, оборотней, знамений и пророчеств. Общее представление о

характере сочинения Флегонта может дать перечень затрагиваемых тем: посещение призраком умершей девушки родительского дома, появление новорожденного ребенка с головой древнеегипетского бога Ануписа, поимка живого гиппокентавра, рождение ребенка у семилетней девочки, обнаружение гигантских останков великанов и т.п.

Исследователи относят «Удивительные истории» к литературному жанру парадоксографии, получившему широкое распространение на рубеже классической эпохи и эллинистического времени¹. На становление жанра парадоксографии в греческой литературе значительное влияние оказали два фактора: неизменно растущий (начиная с V в. до Р.Х.) интерес авторов и читателей к сфере чудесного в произведениях, посвященных экзотическим странам, их природе и обычаям, и мода на коллекционирование редкостей и составление компилятивных сочинений. Так, один из первых сборников Эзоповых басен был составлен около 300 г. до Р.Х. Деметрием Фалерским, другой, посвященный описанию редких животных, принадлежал также ученику Теофраста перипатетику Стратону из Лампсака. Многочисленные аналогичные сборники, содержащие обширную информацию о различных областях знания, были весьма распространены в раннеэллинистический период, но особенно привлекали читателей описания редких природных явлений, аномалии и «чудеса», которые читались и перечитывались как настоящие «народные книги». Поздние рукописи таких сборников или упоминания о них дошли до нас в большом количестве.

Флегонт из Тралл следует достаточно длительной традиции, представленной именами более чем двадцати парадоксографов. Считается, что Каллимах из Кирены (ок. 305–240 гг. до Р.Х.) стал одним из первых, кто положил начало развитию парадоксографии как особой литературной формы. Несмотря на то что труд Каллимаха «Свод чудесных явлений всей земли по местностям» (Θαυμάτων τῶν εἰς ἅπασαν τὴν γῆν κατὰ τόπους συναγωγή) не сохранился, уже из заглавия видно, что принятый автором за основу географический принцип описания объединил в единое целое разнородное содержание. По всей видимости, отдельные части текста были посвящены «чудесам» Греции, Фракии, Италии, Ливии и Азии, а общими для них темами стали описания редких источников, рек, озер, животных, растений и свойств камней. К наиболее известным греческим парадоксографам обычно причисляют Аристотеля (или, возможно, неизвестного автора III в. до Р.Х. из окружения Аристотеля) с его компиляцией «Рассказы о диковинах» (Περὶ θαυμασίων ἀκουσμάτων), Антигона из города Кариста на о-ве Эвбея (III–II вв. до Р.Х.), автора «Свода невероятных рассказов» (Ἱστορίων παραδόξων συναγωγή), Аполлония-парадоксографа (II в. до Р.Х.), автора «Невероятных историй» (Ἱστορίαι θαυμάσια). Известно, что крупнейшему в Риме ученому антиквару Марку Теренцию Варрону принадлежало сочинение «Об удивительных явлениях» (De admirandis), и что подобное произведение составил Цицерон (Plin. NH. XXXI. 8.12; XXXI. 28.51), однако оба труда не сохранились. Римские энциклопедисты I в. Сенека-философ и Плиний Старший включили в свои произведения «Исследование о природе» (Quaestiones naturales) и «Естественное» (Naturalis historia) наряду с описаниями природных явлений немало таких, что представляются читателю невероятными. Влияние парадоксографии испытали греческие и латинские авторы более позднего времени, особенно авторы так называемых «античных романов»². Современники Флегонта – Флорентийский, Ватиканский и Палатинский парадоксографы – были составителями сравнительно небольших по объему сборников-компиляций на различные темы из мира природы (экзотические реки и источники, удивительные животные, необычные свойства камней и пр.), используя источники из вторых или третьих рук.

Таким образом, компиляции (составленные, как показывают сохранившиеся фрагменты, по смешанному принципу) обнаруживают ряд общих признаков – указание места необычного явления, ссылку на источник, неизменность в той или иной степени затрагиваемых тем. Стиль изложения парадоксографов отличается скорее простотой, нежели какими-либо средствами внешней выразительности: в первую очередь содержание, а не риторическая обработка компиляций должно было привлечь внимание читателей. С течением времени

¹ Термином «парадоксография» мы обязаны первому издателю фрагментов сочинений греческих авторов, пишущих о чудесах, – Антонию Вестерманну (Παράδοξογράφοι: Scriptorum Rerum Mirabilium Graeci / Ed. A. Westermann. Brunsvigae et Londini, 1839).

² Rommel H. Die naturwissenschaftlich-paradoxographischen Exkurse bei Philostratos, Heliodoros und Achilleus Tatios. Stuttgart, 1923; Scobie A. Aspects of the Ancient Romance and its Heritage: Essays on Apuleius, Petronius and the Greek Romances. Meisenheim am Glan, 1969; Mason H.J. Fabula Graecanica: Apuleius and his Greek Sources // Aspects of Apuleius' Golden Ass / Ed. B.L. Hijmans, Jr. and R.Th. Van der Paardt. Groningen, 1978; Winkler John J. Auctor and Actor: A Narratological Reading of Apuleius's «The Golden Ass». Berkeley, 1985.

парадоксография пополнилась рядом новых, дополнительных тем, например, о загадочных и необычных народах, племенах и даже об отдельных мифологических героях. Мифологическая традиция не отвергается, но толкование мифов (в основе которых могли лежать преобразованные фантазией воспоминания о действительных событиях и персонажах) никогда не играло существенной роли у парадоксографов. Предметом их рассмотрения стали скорее современные необычные явления или, в крайнем случае, события недавнего прошлого. Однако это вовсе не означает, что целью парадоксографов было достоверное изложение явлений или событий. «Естественнонаучные» объяснения мифографов также не пользовались симпатией парадоксографов. При внимательном чтении текстов парадоксографов складывается впечатление, что они, как и их читатели, верят тому, что написано. Хотя тексты парадоксографов и не лишены привкуса учености, они представляют собой не слишком серьезное чтение и написаны – прямо скажем – для того, чтобы развлечь читателя.

Тем не менее компиляция Флегонта Тралльского «Удивительные истории» из 35-ти обычных для парадоксографической традиции сюжетов сильно отличается от его предшественников. Сочинение Флегонта концентрирует внимание на вопросах, тесно связанных с повседневной жизнью людей, и включает такие темы, как привидения, андрогины, человеческое уродства, кости древних великанов, живой кентавр и пр. В период правления императора Адриана притягательность подобного рода сенсационных сведений, выписываемых Флегонтом иногда слово в слово, была достаточно велика. Помимо всего, обращение Флегонта к темам, связанным с жизнью человека, невольно отражает его заинтересованность в этом. Примечательно, что Флегонт ничего не выдумывал, но лишь с характерной для него тщательностью отбирал достоверные – как ему казалось – свидетельства нарративных источников (будь то Антигон Каристский или книги древних пророчеств Сивилл), а также собственные наблюдения. Достоверность приводимых им историй обосновывается либо ссылками на авторитетное мнение, либо ссылками на собственный опыт или возможность наблюдать необычное явление публично.

Начальные главы «Удивительных историй» утеряны, и поэтому трудно сказать, какое место они занимали в общей структуре компиляции Флегонта Тралльского: дошедший до нас список X в. с фрагментами произведений Антигона Каристского, Аполлония-парадоксографа и Флегонта Тралльского сохранился в единственном экземпляре. Соответственно, остается неизвестным, предварялись ли «Удивительные истории» Флегонта вступлением; можно лишь предположить, что судя по сочинениям других парадоксографов и по сочинениям «О долгожителях» и «Олимпиадах» самого Флегонта, «Удивительные истории» начинались с небольшого авторского вступления (напомним, что парадоксографы не склонны были объяснять описываемые ими события и факты). Опубликование в 1568 г. фрагментов сочинений Флегонта возбудило интерес не только читателей, но и ряда авторов XVI–XVII вв., писавших на латинском языке, к сюжетам о привидениях, которые занимают заметное место у Флегонта³.

В византийском словаре Суды (s.v. Φλέγων Τραλλιανός) помимо «Удивительных историй» перечислены и другие компиляции, принадлежащие Флегонту – «Описание Сицилии», «Римские праздники», «Топография Рима», «О долгожителях» и «Олимпиады» (из них сохранились лишь два последних, причем «Олимпиады» – в незначительных фрагментах). Если доверять свидетельству Суды, то «Удивительные истории» и «О долгожителях» представляют собой части одного произведения, поскольку, по словам византийского лексикографа, Флегонт является автором компиляции «О долгожителях и удивительные истории» (Περὶ μακροβίων καὶ θαυμασίων); единственный список X в., содержащий оба произведения, заканчивается следующей фразой: «Об удивительных историях и о долгожителях Флегонта Тралльского, отпущеника императора» (Φλέγοντος Τραλλιανού ἀπελευθέρου Καίσαρος Περὶ θαυμασίων καὶ μακροβίων). Как видим, несмотря на некоторое несоответствие заглавий, оба источника считают компиляции Флегонта частями одного произведения. Тем не менее, обе компиляции в дошедшем до нас виде не производят впечатления, что их следует относить к одному и тому же сочинению. Как бы то ни было, современные критические издания Флегонта публикуют оба памятника порознь, и остается лишь гадать, одно ли это произведение или два разных; Флегонт, безусловно, мог обнародовать обе компиляции

³ Среди них, например, такие издания, как Delrio's *Disquisitiones Magicae* (1599); Petrus Lojerus's *Discours et Histoire des spectres* (1608); Johannes Praetorius's *Anthropodemos Plutonicus, sive Eine neue Weltbeschreibung von allerley wunderbaren Menschen* (1666); Remigius's *Daemonolatria* (1693). Подробнее см. *Schenda R. Die französische Prodigienliteratur in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts.* München, 1961.

вместе, поскольку они касаются одного и того же предмета – сферы чудесного: тема «О долгожителях» является столь же необычной, сколь невероятна и судьба людей, проживших чрезвычайно малый срок, о чем говорится в «Удивительных историях» (фр. 32–33).

Сочинение «О долгожителях» посвящено в основном перечню лиц с продолжительным сроком жизни, сведения о которых Флегонт почерпнул в таких разнородных источниках, как цензовые списки граждан, курьезные жизнеописания, наполненные анекдотами, а также пророчества Сивилл. Автор начинает свой список с людей, достигших столетнего возраста, затем переходит к тем, кто прожил более ста лет и, наконец, более 150-ти лет; в завершение всего он рассказывает о некоей пророчице-Сивилле, прожившей, по его подсчетам, около 1000 лет. Текст произведения дошел до нас в плохой сохранности, в нем наличествуют очевидные лакуны и поэтому остается невыясненным, имеем ли мы дело с цельным сочинением или с фрагментами более крупного произведения.

В сочинениях «О долгожителях» и «Удивительные истории» Флегонт вовсе не ставит перед собой задачи доискаться причин необычных явлений, равно как и дать им какое-либо объяснение. Более того, сообщаемые сведения воспринимаются им некритически: для него в равной степени надежны свидетельства цензовых списков граждан и оракулы Сивилл. Компиляция «О долгожителях» трудно назвать научным трактатом, но и неверным было бы считать, что она предназначена для развлекательного чтения: текст содержит перечисление 68-ми имен неизвестных людей, достигших столетнего возраста. Аналогичным образом Флегонт включает в текст «Удивительных историй» огромные куски свидетельств источников, чаще всего переписывая их слово в слово. Складывается впечатление, что автор не имел четкого представления ни о целях своего произведения, ни о запросах читателей.

Предел человеческой жизни – этой темы античные авторы касались и задолго до Флегонта из Тралл. Так, в приписываемом Аристотелю сочинении «О долгожительстве и краткосрочности жизни» (*Περὶ μακροβιότητος καὶ βραχυβιότητος*) в научном духе обсуждается традиционная тема о причинах долгожительства, о влиянии окружающей среды и физиологических факторов на продолжительность жизни разных видов животных и человека. Правда, манеры Плиния Старшего (I в.) («Естествознание») и Псевдо-Лукиана (начало III в.) («Долгожители») в описании тех же тем больше напоминают сочинение Флегонта из Тралл. Плиний Старший (VII. 153–164) утверждает, что одно из первых высказываний на данную тему принадлежит Гесиоду. Согласно Гесиоду, ворона проживает девять жизненных сроков человека, олень – четыре срока вороны, ворон – три жизненных срока оленя, а Феникс и нимфы живут еще дольше (Hesiod. Fr. 304 MW). Плиний приводит курьезные примеры из произведений греческих поэтов и историков об удивительной продолжительности жизни людей разных эпох, и поскольку автор не склонен доверять некоторым из источников, он обращается к более достоверным свидетельствам о знаменитых долгожителях Рима. Рассуждая о жизненном сроке человека, Плиний Старший пишет о влиянии астрологии и окружающей среды на продолжительность жизни людей и приходит к выводу, что причины долгожительства остаются не проясненными; на основании цензовых списков, составленных в 74 г. при соправителях Веспасиане и Тите, Плиний Старший приводит перечень названий городов и лиц, проживавших в них удивительно долго, – к примеру, Луций Теренций, сын Марка, из Бононии заявил, что ему 135 лет, а чуть ниже Плиний добавляет, что 54 человека оказались достигшими столетнего возраста (NH VII. 163).

Сочинение Псевдо-Лукиана «Долгожители» представляет собой своего рода подношение адресату ко дню рождения, которому автор выражает пожелания долгой жизни, подобно знаменитым царям, философам, историкам, поэтам и риторам, а список их имен приводится ниже⁴.

Плиний Старший и Псевдо-Лукиан использовали в качестве источников жизнеописания, полные случайных стечений обстоятельств и анекдотов, а также цензовые списки граждан. Различие между ними состоит в том, что Плиний Старший пишет как ученый, опираясь скорее на свидетельства цензовых списков, а Псевдо-Лукиан – в манере парадоксографа, которые избегают уточнений и объяснений. Правда, в отличие от парадоксографов Псевдо-Лукиан решал чисто риторические задачи, стремясь в изысканной и убедительной форме выразить пожелания долгих лет жизни.

К сожалению, от «Олимпиад» Флегонта сохранилась лишь небольшая часть фрагментов, по содержанию которых, однако, можно составить общее представление о замысле и объ-

⁴ Подробнее см. *Rühl F. Die Makrobier des Lukianos // RhM. 1907. 62. S. 421–437; idem. Noch Einmal die Makrobier des Lukianos // RhM. 1909. 64. S. 137–150.*

еме всего произведения (в первоначальном виде оно состояло из 16-ти книг, более сжатый вариант – из 8-ми книг и, наконец, эпитома из 2-х книг). Сочинение предварял очерк об истории учреждения Олимпийских игр, а затем следовали таблицы, основанные на счислении по олимпиадам, с даты первого года первой олимпиады в 776 г. до Р.Х. и вплоть до 229-й олимпиады в 137–140 гг., после смерти императора Адриана. Для каждой из олимпиад Флегонт приводит список олимпийских победителей и виды состязаний, в которых те одержали победу; список олимпиоников включал и замечания Флегонта по поводу тех или иных исторических и политических событий в этот период, упоминания о природных катастрофах, божественных знаменьях, рождении знаменитых людей, войнах и т.п. Константинопольский патриарх Фотий, познакомившийся в IX в. с первыми пятью книгами «Олимпиад», отмечал погрешности стиля Флегонта из Тралл и обвинял его в приверженности к оракулам, что очевидно для всякого, кто знаком с содержанием «Удивительных историй» и «О долгожителях» (FGN 257 T 3). Тем не менее в позднее время «Олимпиады» обильно цитировались и считались одним из наиболее авторитетных произведений Флегонта из Тралл. К примеру, Евсевий Кесарийский в «Хронике», написанной около 300 г., называет Флегонта «выдающимся счислителем олимпиад», а Гиерон включил его имя в список «ученейших мужей» (FGN 257 F 16a; F 24b).

Для нас значение «Олимпиад» заключается в том, что Флегонт продолжил традицию греческих историков использовать счисление по олимпиадам для датирования какого-либо исторического события. Это предполагало наличие и использование списка победителей Олимпийских игр. Первый из таких списков был обнаружен Гиппием из Элиды (IV в. до Р.Х.); его последователи, прежде всего Тимей из Тавромения и Эратосфен, дополняли и переиздавали этот список. Наиболее поздний список для 1–249-й олимпиады сохранился в «Хронике» Евсевия Кесарийского, а отрывки более ранних перечней изданы Ф. Якоби (FGN 414–416)⁵.

Перевод «Удивительных историй» Флегонта из Тралл выполнен по изданию: Paradoxographorum Graecorum reliquiae. Recognovit, brevi adnotatione critica instruxit Alexander Giannini. Milano, 1965 и впервые печатается на русском языке полностью. Перевод с древнегреческого осуществлен М.Л. Гаспаровым (фр. 1), М.Е. Грабарь-Пассек (фр. 3, 11, 14, 15, 17, 34–35) и В.Н. Илюшечкиным (фр. 2, 4–10, 12, 13, 16, 18–33). Комментарии составлены В.Н. Илюшечкиным.

Флегонт из Тралл

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

ФРАГМЕНТ I

(Начало текста не сохранилось) (1)... к комнате гостя¹; подойдя к дверям, она при свете ночника увидела, что рядом с Махатом сидит женщина. Изумленная этим видением, не в силах долее сдерживаться, бежит она к матери и зовет громким голосом: «Харито и Демострат!», – чтобы родители встали и вместе с нею пошли к дочери: показалось ей, что та жива и неким божественным изволением находится с гостем в его комнате. (2) Когда Харито услышала эту невероятную весть, сперва у нее дух захватило от потрясения – так поразительно было известие и в таком смятении была кормилица. Но тут же вспомнив о дочери, она заплакала и, наконец, заподозрив, что кормилица сошла с ума, велела ей немедленно уходить прочь. (3) Только когда кормилица, уверяя, что она здорова и в своем уме, стала дерзко укорять хозяйку за то, что та из трусости не хочет взглянуть на собственную дочь, Харито нехотя, уступая кормилице, да и сама любопытствуя посмотреть, что случилось, подходит к дверям

⁵ См. Бисерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 70–71.

¹ Поскольку начало рукописи не сохранилось, действие повествования Флегонта начинается с середины.

гостя. Но пока они собрались на этот раз, прошло много времени, и Харито опоздала. Оказалось, что те уже легли. Однако мать присмотрелась, и ей показалось, что она узнает одежду и черты лица; но не имея возможности проверить, так ли это, она решила не поднимать шума, в надежде, что, проснувшись рано поутру, она еще застанет эту женщину, а если опоздает, что расспросит обо всем Махата: он, конечно, не станет лгать, когда его будут спрашивать о столь важном деле. Поэтому она молча ушла.

(4) На рассвете оказалось, что женщина неприметно скрылась, то ли божественным произволением, то ли по своему желанию; и мать, войдя, была огорчена ее исчезновением. Рассказав молодому гостю все с самого начала, она обняла колени Махата и просила его открыть ей всю правду, ничего не тая². Юноша смутился, сначала запутался и кое-как наконец объяснил, что женщину звали Филиннион³; рассказал, как пришла она в первый раз, открыл, как велика была ее страсть, и сообщил, что приходит она к нему, по ее словам, тайно от родителей; а чтобы поверили, что так дело и было, он открывает ларец и вынимает предметы, оставшиеся от этой девушки: золотой перстень, который она дала ему, и нагрудную повязку, которую оставила прошлой ночью.

(5) Когда Харито увидела такие предметы, она завопила, а потом, разодрав на себе накидку и платье, сорвав с головы покрывало, бросилась наземь и, схватив кольцо и повязку, снова подняла плач. Увидав, что происходит с ней и как рыдают в отчаянии все вокруг, словно собираясь хоронить Харито, гость и сам встревожился: стал утешать ее, уговаривал прекратить плач и обещал показать девушку, если та появится снова. Харито поддалась уговорам и, попросив его не забывать своих обещаний, удалилась к себе.

(6) Наступила ночь, и был тот час, когда обычно Филиннион приходила к юноше; все ждали ее появления; и она пришла. Когда она, как всегда, вошла и села на ложе, Махат не подавал вида, желая сам во всем разобраться: он не поверил, что имеет дело с мертвой, которая с такой точностью приходит в одно и то же время, да еще и ест и пьет с ним, отнесся с недоверием к тому, что рассказали родители, и подумал, что какие-нибудь грабители разрыли могилу и продали одежды и драгоценности отцу этой девушки. Чтобы узнать все в точности, он потихоньку посылает рабов за ее родителями.

(7) Демострат и Харито поспешили прийти; но когда они, увидев девушку, сперва онемели, потрясенные невероятным зрелищем, а потом с криком бросились к дочери, тогда Филиннион сказала им так: О мать и отец, сколь несправедливо поступаете вы – даже трех дней не позволили вы мне беспрепятственно провести в родном доме вместе с гостем. И вот теперь из-за вашего любопытства будете вы снова страдать, я же

² Исследователи по-разному пытались реконструировать содержание несохранившейся начальной части рукописи, где мотивировалось пребывание Махата в доме Демострата. Так, одни предполагали, что Филиннион могла влюбиться в сына постояльца из Пеллы, но родители против ее воли решили выдать ее замуж за Кратера; не избавившись от любви к Махату, невеста неожиданно умирает накануне свадьбы (*Wendland P. Antike Geister- und Gespenstergeschichten // Festschrift zur Jahrhundertfeier der Universität zu Breslau im Namen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. Breslau, 1911. S. 9–32*). Другие, напротив, полагали, что юноша вызвал любовную страсть Филиннион, которая по ночам тайно посещала Махата (*Mesk J. Über Phlegons Mirabilia I–III // Philologus. 1925. 80. S. 298–311*).

³ Автор придает повествованию местный колорит, вводя македонские имена. Э. Роде не исключал, что мужчина, за которого родители собирались выдать свою дочь Филиннион, возможно, был одним из македонских военачальников, «правая рука» Александра Македонского Кратер (ок. 370–321 гг. до н.э.), а адресат послания Гиппарха о случившемся с Филиннион – Филипп III Арридей (ок. 358–317 г. до н.э.); единокровный брат Александра (*Rohde E. Zu den Mirabilia des Phlegon // RhM. 1877. N.F. 32. S. 331–339*). Филиннион носит то же имя, что и вторая жена исторического Кратера – Филинна из Лариссы, мать Арридея. Македонские имена перемешаны у Флегонта с такими именами, как Демострат, Харито, Гиппарх и Гилл, что было обычной практикой греческих беллетристов, например, таких, как Харитон и Ксенофонт Эфесский (*Hägg T. The Naming of the Characters in the Romans of Xenophon Ephesus // Eranos. 1971. 69. P. 25–59*).

вновь отойду туда, где мне назначено быть; ибо не без божественной воли явилась я сюда⁴.

(8) С этими словами она упала мертвой, и все видели, как распростерлось ее тело на ложе. Мать и отец обняли ее труп, великое смятение поднялось в доме из-за этого события, потому что случилось нечто непоправимое и происшествие это было невероятно. Вскоре о нем заговорили по всему городу и сообщили мне.

(9) Всю ночь я сдерживал толпу, собравшуюся возле дома, опасаясь, чтобы распространение такого слуха не произвело мятежа⁵. К рассвету народ наполнил театр⁶. После того как обо всем было рассказано в подробностях, мы постановили прежде всего пойти к гробнице, вскрыть ее и посмотреть, лежит ли тело на своем ложе, или же там окажется пустое место: шести месяцев не прошло еще после смерти девушки. Когда мы открыли склеп, где хоронили членов этого семейства, то увидели, что на прочих ложах действительно лежат мертвые тела, а от тех, кто скончался давно, остались кости; и только там, где положили и похоронили Филиннион, мы обнаружили железный перстень гостя и позолоченную чашу, которую она взяла у Махата в первый день⁷.

(10) Изумленные, потрясенные, мы поспешно направились к Демострату, в комнату гостя, чтобы посмотреть, правда ли, что покойница была там, и увидели ее тело на полу. Тогда мы отправились в народное собрание, так как события были важными и невероятными. (11) Собрание шумело в таком смятении, что почти никому не удавалось высказать своего мнения. Наконец Гилл, который считается у нас не только лучшим прорицателем, но и умелым птицегадателем и в остальном искусстве ведовства отменным знатоком, встал и заявил, что тело девушки следует предать погребению за пределами города – ибо не следует вновь хоронить ее в городе, а Гермесу Подземному и Эвменидам надо принести умиловительные жертвы; затем велел он всем нам произвести обряд очищения над нами самими и над святилищами и подобающим образом почтить подземных богов⁸. Мне же он тайно посоветовал совершить заклятие Гермесу, Зевсу Гостеприимцу и Аресу за царя и государство и выполнить это со всей тщательностью.

(12) Согласно с его словами мы совершили указанное, а Махат, приезжий, к которому являлся призрак, в горе лишил себя жизни.

Итак, если ты сочтешь нужным написать об этом царю, сообщи мне, чтобы я прислал к тебе кого-нибудь из людей, знающих это во всех подробностях. Будь здоров.

⁴ Внезапное появление родителей нарушило условия божественного табу (сроком три ночи?). Греческая мифологическая традиция содержит близкие мотивы. Например, богиня Деметра, чтобы наделить ребенка в тайне от его родителей бессмертием, по ночам вносит младенца в пламя; однако после того, как однажды мать ребенка ненароком подглядела за действиями Деметры, богиня роняет мальчика наземь и он остается простым смертным (Гомеровский гимн к Деметре. V. 231–281). Аналогичным образом Фетида жгла тело младенца Ахилла, своего сына, пламенем, а утром натирала амброзией с тем, чтобы сделать его бессмертным. Однако как-то ночью Пелей стал свидетелем этой процедуры, и тогда разгневанная Фетида, в сердцах отшвырнув Ахилла, бросилась в море (*Аполаоний Родосский*. Аргонавтика. IV. 865–879).

⁵ Прямое указание на то, что рассказчик – очевидец событий, местное должностное лицо.

⁶ В эллинистический период театр был излюбленным местом народных собраний (ср. *Харитон*. I. 1. 11; VIII. 7.1). В римское время театры превратились в места собраний, где демонстрировалось ораторское искусство, ушедшее с агоры и из булевтериев (ср. *Свенцицкая И.С.* К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. Культурные рецепции в идеологии и в повседневной жизни // *Быт и история в античности*. М., 1988. С. 181).

⁷ Обмен дарами между молодыми людьми, происшедший в ночь первого посещения призрака, включал золотой перстень от Филиннион и железный перстень с позолоченным потиром от Махата. Между тем, в Греции было распространено суеверное представление, что призраки нередко избегают железа (*Riess*. Aberglaube // RE. Bd I. S. 50).

⁸ Рассказчик представляет Гилла – выразителя общего мнения городской общины – как знатока ведовства, истолкователя знамений (τερατοσόκος) и «птицегадателя» (ὀλνωσόκος), толкующего знаменья по крику и полету птиц.

(1) Гиерон Александрийский или Эфесский передает, что в Этолии объявилось привидение⁹. (2) Некий Поликрит был избран гражданами на три года архонтом этолийцев¹⁰, которые сочли его наиболее достойным этой должности из-за знатности предков. Находясь в этой должности, он взял в жены женщину из Локриды¹¹, провел с ней три ночи, а на четвертую – умер. (3) Женщина осталась вдовой, а когда пришло время рожать, она разрешилась двуполым младенцем с мужскими и женскими половыми органами, удивительным образом деформированными от природы: верхняя часть гениталий была твердой и мужской, а то, что находилось ниже – принадлежало женщине. (4) Изумленные случившимся, родственники ребенка принесли его на агору, где по этому поводу собрался народ¹²; назначили очистительные жертвы, призвали толкователей божественных знамений и рядили, что делать с ребенком¹³. Одни заявили, что грядет разрыв отношений между этолянами и жителями Локриды, поскольку ребенок был отделен от матери-локрийки и своего отца – этолийца. Другие же полагали, что ребенка с матерью следует изгнать за пределы города и сжечь¹⁴.

⁹ По свидетельству неоплатоника Прокла (Комментарии к «Государству» Платона. II. P. 115 Kroll) Гиерон Эфесский излагает это происшествие в послании к царю Антигону; об этом Гиероне см. *Jacoby F. Hieron* (20) // RE. Bd 8. Sp. 1515; FGH 518. По мнению Прокла, послание Гиерона является фиктивным. Таким образом, личность эпистолога Гиерона остается неизвестной; за именем «Антигон» может скрываться историческое лицо – либо македонский царь Антигон I Одноглазый (правил с 306 по 301 г. до н.э.), либо Антигон II Гонат (правил с 283 по 239 г. до н.э.).

¹⁰ «Некий Поликрит» – исторически неизвестное лицо. «Архонт Этолии» – официальная должность. сродни более известной нам должности архонта Беотии. Во главе каждой из 11-ти областей, входящих в V в. до н.э. в состав Беотийской конфедерации, находился архонт и совет из 60 членов.

¹¹ К концу IV в. до н.э. Западная Локрида (пограничная с Этолией область) была фактически включена в состав Этолии и утратила свою независимость.

¹² Рождение ребенка-андрогина становится предметом публичного обсуждения, поскольку считалось, что рождение уродов, териоморфных существ и аномалий является дурным знамением (τέρας) для гражданской общины и представляет угрозу ее существованию. Ср. также фр. 10, в котором говорится о том, что рождение в Риме андрогина вынуждает сенат обратиться к совету оракула Сивиллы.

¹³ «Прорицателя» (греч. *ὄψις*, лат. *extispex*), или гадателя по внутренностям жертвенных животных, следует отличать от «толкователя знамений» (τεραιοκόπος); в позднее время к тем и другим обращаются вообще как к «мантисам», «предсказателям» (μάντις). См., в частности, *Приходько Е.В.* Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999.

¹⁴ Ср. отрывок из греческого «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена (III. 30): некая женщина родила в Вавилоне необычного младенца. После того как предсказатели заявили, что это знак близкой смерти Александра Великого, тот приказал предать младенца огню. В истории Флегонта о призрак Филиннион предсказатель Гилл настаивает на сожжении тела девушки вне города (фр. 1, § 17). В Италии рожденных детей-андрогинов нередко топили (ср. фр. 25, где говорится о потоплении ребенка, родившегося с двумя головами).

Рождение двуполых существ традиционно считалось страшным знамением (греч. *τέρας*, лат. *prodigium*). Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» (I в. до н.э.) сообщает, что незадолго до Союзнической войны проживавший в окрестностях Рима человек, как оказалось, женился на андрогине. По решению римского сената, согласно указаниям этрусских гаруспиков, гермафродита сожгли заживо. Диодор поясняет, что в данном случае сам факт существования двуполого существа не предвещал ничего зловещего для государства, и, тем не менее, продолжает Диодор, людское невежество и приверженность суевериям перевесили чашу весов. Далее Диодор добавляет, что в свое время родившийся в Афинах андрогин был умерщвлен таким же образом (XXXII. 12). Тит Ливий, а также пересказывающий его в «Книге prodigий» Юлий Обсеквент (IV в.) приводят ряд случаев рождения двуполых существ, предвещающих по общему мнению бедствия и потому подлежащих утоплению в море или реке: «...во Фрузиноне родился ребенок ростом с четырехлетнего, но удивительна была не его величина, а то, что, как в Синуэссе два года тому назад, нельзя было определить, мальчик это или девочка. Гаруспики, вызванные из Этрурии, сказали, что это гнусное и мерзкое чудище: его надо удалить из Римской области и, не давая ему касаться земли, утопить в морской бездне. Его положили живым в сундук, уплыли далеко в море и бросили в воду» (*Ливий*. XXVII. 37. 5–7, а также 11. 4–6; XXXI. 12. 6–10, пер. М.Е. Сергеев: *Юл. Обс.* 22, 27а, 32, 34, 36, 47–50, 53). Правда, через столетие после Ливия можно было наблюдать частичное изменение в оценке фактов

(5) Пока они обсуждали случившееся, Поликрит, который уже умер, весь в черном¹⁵ объявился в собрании рядом с ребенком. (6) Пораженные его внезапным появлением, большинство граждан бросилось наутек, когда он закричал, чтобы они набрались мужества и не смущались присутствием призрака.

После того как волнения и замешательство утихли, он провещал слабым голосом: «Мужи полиса, тело мое мертво, но благодаря благоволению и милости, испытываемой к вам, я жив. Я нахожусь здесь для вашего блага и взываю к подземным властителям¹⁶. Итак, поскольку вы мои сограждане, я обращаюсь к вам – не бойтесь меня и не пренебрегайте невероятным явлением призрака. Умоляю всех вас, заклиная спасением каждого, передать мне ребенка, которого я породил, чтобы не случилось беды, если вы выберете иное и ваша враждебность ко мне станет началом несчастий. Ведь мне поручено не допустить сожжения ребенка из-за прихоти или безумия предсказателей, которые вам это присоветовали.

Поскольку перед вами столь странное зрелище, простительно, что вы растерялись и не знаете, как правильно поступить. Однако, если вы послушаетесь меня и повинуетесь без колебаний, то освободитесь не только от страха, но и от нависшей угрозы. Если же вы предпочтете иное решение, боюсь, что из-за недоверия к моим словам вас постигнет непоправимая беда. По доброй воле, которую я прежде питал и питаю к вам, явившись внезапно, предсказываю, как наилучшим образом поступить вам. Заклинаю вас не бежать моих слов, прекратить споры и подчиниться тому, что я сказал – отдайте мне ребенка по-хорошему¹⁷, ибо мне не велено задерживаться здесь слишком долго теми, кто правит под землей».

(7) Сказав это, он умолк, терпеливо ожидая, какое решение они вынесут. Одни полагали, что следует отдать ребенка и тем самым совершить искупительную жертву в честь знамения и стоящего рядом демона. Но большинство не соглашалось, настаивая, что не следует поступать опрометчиво, поскольку дело это величайшей важности, да и сама проблема необычная.

(8) Видя, что они с ним не согласны и препятствуют осуществлению его намерений, он заговорил вновь: «В любом случае, граждане полиса, если беда падет на ваши головы из-за вашего несогласия, то вините не меня, но судьбу, которая ведет вас неверной дорогой, судьбу, которая, противясь и мне, вынуждает меня поступать с моим ребенком противозаконно».

(9) Собралась толпа, и разногласия по поводу необычного знамения продолжались, как вдруг призрак, оттолкнув мужчин, схватил ребенка, быстро стал разрывать его тело на части и пожирать. (10) Люди стали кричать и бросаться камнями, пытаясь прогнать призрак. Оставаясь невредимым под градом камней, призрак сожрал все тело ребенка, кроме головы, и только тогда внезапно исчез из виду¹⁸.

появления двуполых существ: так, Плиний Старший, упоминая в «Естествознании» (VII 3. 34) андрогинов (*hermaphrodites, androgyni*), отмечает, что теперь эти знамения воспринимаются скорее как удивительные явления. О толковании пророчеств в древности и, в частности, о популярности в Аттике начала IV в. до н.э. культа гермафродита см. *Bloch R. Les prodiges dans l'antiquité classique*. P., 1963.

¹⁵ Призраки обычно изображались истощенными и одетыми в черные одежды: как правило, «призрак» и «мертвец» мыслились у греческих авторов в виде тождества (подробнее см. *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 336 л.). В данном случае одежда – по принципу метонимии – заместитель «двойника» человека.

¹⁶ То есть к подземным богам, перед тем как возвратиться в царство мертвых.

¹⁷ Букв. «с добрыми словами» (μετ' εὐφημίας), или, в крайнем случае, просто молча, что соответствовало бы ритуальной норме.

¹⁸ Жестокая сцена, рассчитанная на потрясение читателя/слушателя, однако, не мотивирована. Призрак разрывает на части только тело младенца, но не голову (ср. аналогичную сцену в фр. 3, где рыжий волк на глазах людей загрызает римского военачальника Публия, но оставляет невредимой голову, которая затем пророчески стихами о том, что ее устами говорит сам Феб-Аполлон, который потом ответит Публия в царство мертвых). В данном случае очевидны рудименты архаического сознания: разъятие тела на части («спаргмос») параллельно приобретению пророческого дара. Так, Н.В. Брагинская в комментариях к

Возбужденная случившимся толпа горожан пребывала в состоянии крайней растерянности, а затем решила отправить посольство в Дельфы, как вдруг голова мальчика, лежащая на земле, начала пророчествовать¹⁹:

«О, многочисленный народ, населяющий прославленную в гимне землю!

Не ходите в святилище Феба и не приносите ему жертв:

190 Ведь воздетые вами руки запятнаны кровью.

Не следует вам отправляться в путь. Отложите посольство к треножнику (Аполлонову) и проникнитесь моими словами.

Ибо я открою вам повеление оракула целиком. Начиная с этого дня в течение года²⁰ всем распоряжается смерть, и по воле Афины души локрийцев и этолян перемешаются.

И даже на короткий срок не ослабнет злая сила.

Ибо кровавые брызги ударили вам в головы.

Все сохраняется во мраке ночи и черное небо распростерлось надо всем.

200 Ибо тьму породила ночь, покрывшая всю землю.

Все дома лишатся своих обитателей, на пороге жилищ не останется ни одной женщины, которая бы их оплакала, ни одного ребенка, который бы не проливал слезы у бездыханных тел своих родителей. Таков вал, накрывающий сверху всех.

Увы мне, что не в силах остановить этого! Скорблю о бедях и страданиях моей земли и охваченной ужасом матери, которая избегнет смерти.

Боги породят бесславное наследие

Тех, кто останется от этолийского и локрийского семени,

лекциям О.М. Фрейденберг «Введение в теорию античного фольклора» отмечает, что в глубокой древности бытовало представление о получении мертвыми пророческой пневы («духа») через разъятие тела и особенно отрубание головы. Н.В. Брагинская добавляет, что «египтологи связывают такое представление с доисторическим обычаем вторичного захоронения, что показали раскопки некрополя (Негада). Вплоть до Древнего царства обнаруживается обычай отрезать мертвым голову и отделять члены, соскабливать мясо с костей, а затем складывать кости в нормальном порядке, но в позе человеческого эмбриона (ср. Книга мертвых. 43 и 90)» (*Брагинская Н.В. Комментарии // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 544*). Таким образом, не исключено, что сохраненное Флегонтом в контаминированном виде представление восходит к эпохе за три тысячи лет до него. Призрак Поликрита, подвергнутый избиванию камнями, остается все же неуязвимым, поскольку уподоблен тени (в отличие, например, от «восставшего из мертвых» начальника сирийской конницы Буллага, который пророчесствует стихами в лагере римлян, а затем сразу же умирает: тело Буллага решено было сжечь (фр. 3). Аналогичным образом сжигается тело призрака Филинион за пределами города (фр. 1). Однако, несмотря на то что призрак Поликрита представляет собой тень, он отличается, как и известный призрак из Темесы (*Павс. VI. 6. 7–11*), сверхъестественной силой и жестокостью.

¹⁹ «Пророчащая голова» в качестве мотива нередко встречается не только в мифологических, но и в литературных контекстах (см. *Thompson S. A Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local Legends, 6 vol. Bloomington, 1955. Motif E783; Deonna W. Orphée et l'oracle de la tête coupée // REG. 1925. 38. P. 44–69; Nagy J. Hierarchy, Heroes and Heads. Indo-European Structures in Greek Myth // Approaches to Greek Myth / Ed. L. Edmunds. Baltimore, 1990. P. 200–238*). В данном случае «пророчащая голова» настаивает на том, что собравшиеся не должны отправлять послов в Дельфы, поскольку запятнали свои руки кровью (ст. 189–190); головая андрогина пророчит, что «по воле Афины» (ст. 196) души этолян и локрийцев смешаются вместе, а жителям следует покинуть Этолию и идти в другую «землю народа Афины» (ст. 214). Здесь явно просматривается мотив соперничества между пророческой головой ребенка и оракулом Аполлона. Греческая мифологическая традиция сохранила легенду об Орфее, который был растерзан неистовыми вакханками, а его голову, брошенную во фракийский Гебр, принесло к острову Лесбосу. Мотив соперничества между пророческой головой Орфея и Аполлоном сохранился у Филострата (*VA IV 14*). Схожий мотив о «пророческой голове» зафиксирован у Флегонта из Тралл в его историях о Публии (фр. 3) и призраке Поликрита (фр. 2); причем в последнем сообщении мотив соперничества с оракулом Аполлона проявляется особенно четко.

²⁰ Вслед за вступлением оракул пророчесствует, что этолян и локрийцев подстерегают неминуемые бедствия (ст. 194–206), однако погибнут не все (ст. 207–215), и судьба их уподобится судьбе растерзанного ребенка, от которого осталась лишь голова.

210 Потому что смерть пощадилась мою голову и оставила ее на земле. Пойдите и выставьте мою голову лицом к восходу и не хороните ее глубоко в черной земле.

Что касается вас, то покиньте эти пределы и идите в другую землю к народу Афины, если вы хотите избежать смерти согласно предначертанию судьбы²¹.

Когда этолийцы услышали оракул, то увели жен, детей, младенцев и стариков в дальние края, кто какие из них смог найти. Сами же остались, ожидая неминуемого; в следующем году случилась война этолийцев с акарнянами, в которой каждая из сторон понесла огромные потери²².

²¹ Согласно мифологической традиции о троянском цикле Афина разгневалась на локрийцев (*Апола*. Эпитг. V. 22; *Верг*. Энеида. II. 403–406). По возвращении кораблей из-под Трои население Локриды охватил мор и ее жители по решению оракула должны были искупить святотатство Аякса Оилида, послав в Трою двух дев. По прибытии в Трою девушки подверглись опасности быть сожженными, но избежав смерти, стали прислуживать в качестве жриц в храме Афины, никогда не покидая его. После смерти девушек-локрийек были посланы другие, но как только жители Локриды перестали отправлять девушек в Трою, женщины Локриды стали рождать калек и уродов. Существует определенная связь между историей о призраке Поликрита (ср. «по воле Афины» и «в землю народа Афины») и мифологической традицией о девушках из Локриды, прислуживающих в храме Афины в Трое. Согласно версии мифа, женщины из Локриды рожают калек и уродов (ср.: жена Поликрита из Локриды рождает андрогина). Девушек из Локриды жители Трои пытаются съечь заживо, как если бы они были уродливы или страдали отклонениями от нормы (подобно тому как этолийцы предлагают съечь жену Поликрита, родившую андрогина). Жители Локриды обращаются за советом к оракулу Аполлона, подобно тому как этоляне намерены в аналогичной ситуации послать в Дельфы послов, чтобы оракул истолковал смысл знамения в виде рождения андрогина и явления призрака. По всей видимости, автор повествования о призраке Поликрита был знаком с устной или письменной версией мифа о девушках из Локриды, которые в качестве жриц прислуживали в храме Афины в Трое.

²² Нельзя полностью исключать того, что свидетельство Флегонта (или его источника) о войне между этолийцами и локрийцами (так в греческом тексте, что не помешало, однако, издателю текста А. Джаннини заменить «локрийцев» на «акарнян») с историческими событиями 314–313 гг. до н.э., когда один из диадохов, Кассандр, при поддержке акарнян (восточных соседей этолийцев) совершил вторжение на территорию Этолии и Эпира (границащего с Этолией на северо-западе) в период совместной войны диадохов против Антигонидов за господство в Греции (*Диод. Сиц.* 19. 74). Если учесть, что Этолию и Западную Локриду разделяют горы, то вызванная условиями воечного времени миграция части этолийцев (ср. повеление оракула идти «в землю народа Афины») в Локриду, население которой традиция прочно связывает с Афиной, представляется вполне закономерной, и тогда, надо признать, подтверждаются слова оракула в том, что души этолийцев и локрийцев объединятся. Более того, объединение этолийцев с локрийцами символически отражено также и в продиогонном рождении андрогина. Истинный смысл рождения двуполого существа, отец которого – этолиец, а мать – локрийка, заключен в восстановлении союза этолян и локрийцев (ср. слова, с которыми призрак Поликрита обращается к собравшимся: мнения, высказанные на сходе, – неверны, рождение андрогина не является знаменем разделения и, соответственно, его не следует сжигать). Однако окончательное решение о способе сосуществования этолян и локрийцев, как это вытекает из текста Флегонта, должно было принять народное собрание. Остается гадательным, не представлял ли собой источник Флегонта послание, отправленное Антигону Одноглазому, если согласиться с предположением, что события, нашедшие в косвенной форме отражение в фр. 2, соотносятся с историческим периодом 314–313 гг. до н.э. Подтверждением того, что история о Поликрите вобрала в себя очевидные признаки мифологической традиции (возможно, в устной форме), может служить схожая история с элементами культового мифа, рассказанная Филостратом (род. в 170 г.) в диалоге между финикийским купцом и местным виноградарем в сочинении «О героях» (215). С завершением Троянской войны Ахилл и Елена вступили в брак после смерти (брак самого храброго с самой красивой) и проживают на Белом острове (о-в Левка) в устье Дуная на Понте Эвксинском. Однажды приплывшему на остров купцу явился Ахилл и попросил купить для него в Трое девушку-рабыню, указав, как ее найти. Купец исполнил поручение и доставил девушку на остров, но не успел еще его корабль далеко отплыть от берега, как он и его спутники услышали дикие крики несчастной девушки: Ахилл разорвал ее на части – она, оказывается, была последней из потомков царского рода Приама. Очевиден параллелизм двух сообщений Флегонта и Филострата. Призрак Поликрита (у Флегонта) является перед народом и просит отдать ему ребенка-андрогина; затем призрак разрывает младенца на части и пожирает его: собравшиеся в ужасе. Схожим образом тень Ахилла (у Филострата) просит заезжего купца доставить ему девушку из Трои; купец выполняет просьбу, и Ахилл разрывает девушку на части; крики несчастной долетают до ушей купца и его спутников. На сообщение Флегонта не могло повлиять сообщение Филострата, который жил позже; возможный источник следует

(1) Вот о чем повествует Антисфен, философ-перипатетик²³: консул Ацилий Глабрион с легатами Порцием Катонем и Луцием Валерием Флакком натолкнулись в Фермопилах на войско царя Антиоха²⁴; Ацилий храбро сражался и заставил воинов Антиоха положить оружие. Самому Антиоху пришлось с пятьюстами своих приверженцев бежать в Элатею, а оттуда в Эфес²⁵. (2) Ацилий послал Катона в Рим с вестью о победе, а сам направился в Этолию и, подойдя к Гераклею, овладел ею без всякого труда. (3) Во время сражения против Антиоха в Фермопилах римлянам явилось множество удивительных знамений. Когда Антиох бежал, римляне на следующий день занялись розысками тех, кто пал, сражаясь на их стороне, а также начали забирать доспехи и оружие убитых и захватывать пленников.

(4) И вот, был некий начальник конницы Буплаг, родом сириец, пользовавшийся у царя Антиоха большим почетом: он пал, отважно сражаясь. Когда же римляне собрали все оружие – дело было около полудня, – Буплаг вдруг восстал из мертвых и, неся на себе двенадцать ран, появился в римском лагере и слабым голосом произнес такие стихи:

Тотчас грабеж прекрати! И тех, что в Аиде, не трогай!
 Зевс покарает Кронид нечестивые злые деянья,
 Сильно разгневан убийством мужей и твоим преступленьем.
 Много отважных племен на твои он пределы обрушит,
 Власти ты будешь лишен и за все, что свершил ты, ответишь²⁶.

искать в повествованиях о призраках, восходящих к мифологической традиции. Объединяющее эти два сюжета описание обряда разрывания, или разъятия на части (*ὁ σπαραγμός*), своего рода жертвенной смерти (Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 59–60, 169 сл.), по всей видимости, представляет собой рудиментарную форму архаического сознания. Роль гостеприимного хозяина Белого острова, исполняемая Ахиллом, становится объяснимой в свете статьи Х. Хоммеля, показавшего, что даже в VII в. до н.э. этот персонаж, давно превратившийся в эпического героя, по-прежнему выступал в своей исконной функции одного из загробных демонов (Хоммель Х. Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1; см. также Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 294 сл.). Судя по сообщению Флегонта, призрак Поликрита также несет в себе функции загробного демона. Сопоставление этих сюжетов с сообщением Филострата о пророчествующей голове Орфея (Жизнь Аполлония Тианского. IV. 14) позволяет реконструировать мифологическое ядро обряда в следующей последовательности: ритуальное разрывание тела, или «спарагмос», и пророчащая голова – что находится в теснейшей связи с мотивом соперничества с оракулом Аполлона.

²³ Возможно, вымышленное лицо (как и Гиерон, предполагаемый источник фр. 2); вместе с тем, не исключено, что названный Антисфен является автором философских сочинений (*Φιλοσόφων Διαδοχαι*) или историком Антисфеном Родосским (FGH 508).

²⁴ Маний Ацилий Глабрион – командующий римским войском в битве при Фермопилах (191 г. до н.э.). Сравнение между войсками римлян и царя Антиоха III Великого завершилось поражением Антиоха. Конфронтация между Римом и царством Селевкидов нарастала постепенно и обострилась после того, как Антиох III вновь подчинил своей власти ряд малоазийских городов (среди них и Траллы). В 192 г. до н.э. Антиох III переправился с войском в материковую Грецию, откликнувшись на призыв Этолийского союза выступить против римлян. Таким образом, 191 г. до н.э. является точкой отсчета для датировки источника Флегонта.

²⁵ Элатея – город на севере Фокиды (Страбон. IX. 3. 15), недалеко от Фермопил. В сопровождении остатков своего разбитого войска Антиох III Великий направился в Халкиду, откуда переправился в Эфес. Союзный римлянам греческий флот (Риму оказывали помощь Родос и Пергам) одержал победу на море, и война была перенесена в Малую Азию. Окончательным разгромом Антиоха III стала битва зимой 190/189 гг. до н.э. (в последние недели 190 г. до н.э. или в первые недели следующего года) при Магнезии у горы Сипила (подробнее см. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 241 сл.).

²⁶ Буплаг своим пророчеством (подобно Габиену, сражавшемуся в период гражданской войны 38–36 гг. до н.э., – см. Плиний Старший. VII. 52. 178–179) предостерегает римлян от продолжения военных действий, угрожая карой Зевса Кронида.

(5) Военачальники, потрясенные этими словами, немедленно собрали все войско на собрание и стали держать совет, что значит это явление: было решено сжечь тело Буллага²⁷, умершего сейчас же после того, как он изрек предсказание, и похоронить его прах; войско подвергалось обряду очищения, принесли жертвы Зевсу Апотропею («Отвращающему беды»)²⁸, а в Дельфы отправили послов спросить бога, что надо делать. (6) Когда послы дошли до Пифийского святилища и задали вопросы, что следует делать, Пифия изрекла такие слова:

Римлянин, стой! И отныне всегда соблюдай справедливость!

Пусть не подвигнет тебя Паллада на битвы Ареса,

Гибель несущего градам. А ты, безумец, вернешься

В дом после многих трудов, утратив и власть и богатства²⁹.

(7) Услышав это предсказание, римляне отказались от мысли учинить нападение на какой-либо из народов, населяющих Европу, и, снявшись с лагеря, отправились из упомянутой местности в Навпакт, город в Этолии, где находится общегреческое святилище³⁰; там они приняли участие в общественных жертвоприношениях и принесли богам первины этого года, как требовалось по обычаю³¹.

(8) Во время праздника военачальник Публий впал в безумие, утратил разум и, неистовствуя, стал выкрикивать предсказания, то стихами, то речью неумеренной³². Когда весть об этом дошла до войска, все сбежались к палатке Публия: сокрушаясь и предаваясь печали оттого, что такое несчастье постигло одного из лучших и опытных военачальников, они в то же время хотели послушать, что он будет говорить: и людей собралось столько, что несколько человек даже задушили в давке. И вот что изрек Публий стихами, еще находясь внутри палатки:

Родина, горе тебе! Ниспошлет жестокие войны

Дева Афина, когда, изобильные Азии страны

В прах низложив, ты вернешься домой, в италийскую землю,

В грады, венчаные славой, в Тринакрию, остров прелестный,

Созданный Зевсом³³. Но рать, с душой беспощадной, отважной

²⁷ Как и в истории о призраке Финнион (фр. 1) и призраке Поликрите (фр. 2) по решению профессиональных гадальщиков, раскрывающих смысл знамений, тело «двойника» сжигается.

²⁸ Зевс Апотропей («Отвратитель бед») – исконно греческое божество; принадлежит к поколению богов, свергших титанов. Благодетельные функции нашли отражение в эпитете «Отвратитель бед», покровительстве героям, уничтожающим хтонических чудовищ.

²⁹ Паллада, т.е. богиня Афина Паллада; Арес здесь не просто метонимия, а фиксация того, что божество войны и есть сама война. Оракул Пифии не идентичен пророчеству Буллага. В данном случае призыв обращен не к Зеву, а к Афине Палладе, враждебной к троянцам в период Троянской войны, и, возможно, враждебно настроенной и к римлянам. Оракул Пифии и пророчество Буллага очевидным образом не соотносятся друг с другом и восходят, по-видимому, к источникам разного времени.

³⁰ Исторические свидетельства о существовании в Навпакте (Этолия) общегреческого храма отсутствуют.

³¹ Обычай при обращении к богам посвящать им (или мертвым) первины (*ἀπαρχαί*) – первый сбор плодов, долю мяса, зерна, вина, шерсти и т.п.

³² Не исключено, что имеется в виду Публий Корнелий Сципион, знаменитый участник второй Пунической войны, с 190 г. до н.э. ставший фактически руководителем военных действий и дипломатических переговоров с Антиохом III. Именно он в качестве легата сопровождал брата Луция Корнелия Сципиона в Малую Азию. Однако, используя личное имя (распомен) Публий, автор скорее всего лишь придает повествованию исторический колорит, наподобие того, как он вводит в историю о Финнион (фр. 1) македонские имена времени правления царя Филиппа, что должно было подтверждать достоверность рассказа.

³³ Очевидна переключка пророчества Публия с оракулом пифии (в обоих пророчествах упомянута Афина, угрожающая Риму войной). Тем не менее, речь идет о разновременных событиях: в последнем случае предполагается, что вторжение римлян на территорию Малой Азии уже произошло (что позже и случилось в действительности). По-видимому, оба пророчества относятся к разным контекстам, поскольку в пророчестве Публия (в отличие от оракула пифии) говорится о вторжении объединенной армии государств Азии и Европы на Апеннинский п-ов.

В Азии встанет, в далеком краю, где солнце восходит.
Явится царь; он пройдет через тесный пролив Геллесонта,
Вступит он в крепкий союз с владыкой Эпирского края,
В Авсонию³⁴ он приведет дружину несметную; войско
Он соберет из Азийских краев, из Европы цветущей,
Шею твою он согнет под ярмо, и пустынными станут
Стены твой и дома. Свободу ты сменишь на рабство.
Так покарает тебя оскорбленная дева Афина.

(9) Произнеся эти стихи, он в одной тунике выскочил из палатки и сказал, речью уже неразумной: «Возвещаем вам, воины и граждане, что вы, перейдя из Европы в Азию, победили царя Антиоха и на море и на суше, завладели всей страной вплоть до Тавра и всеми городами, основанными в ней; вы изгнали Антиоха в Сирию и эту страну с ее городами передали сыновьям Аттала³⁵; уже и галаты, населяющие Азию, побеждены нами, а их жен и детей и все имущество вы захватили и переправили из Азии в Европу; но фракийцы, обитающие в Европе на побережье Пропонтиды и Геллесонта, нападут на вас, когда вы отстанете от своего войска возле границ эниеи³⁶, многих убьют и отнимут часть добычи; а когда те, кому удастся спастись, вернуться в Рим, с царем Антиохом заключат мир; он будет платить дань и уступит часть своих владений».

(10) Сказав все это, Публий громко возопил: «Вижу рати с бронзовыми сердцами и царей объединившихся, и многие племена, идущие из Азии на Европу, слышу топот коней и звон копий, вижу битвы кровопролитные и разорение страшное, падение башен и разрушение стен и опустошение всей земли». (11) И сказав это, он опять заговорил стихами:

Вижу я день, когда в сбруе златой серебристые кони,
Стойла покинув свои, сойдут на землю в Нисее³⁷.
Некогда Эетион искусный в закреплении дружбы
Этих коней сотворил в сиракузях граде богатом³⁸.

³⁴ Авсония (Гесперия?) – конъектура издателя текста А. Джаннини (Авсония – древнейшее название Италии). Поскольку текст испорчен, предлагались следующие чтения: ἤξει δ' ἰταλίην (*Ludwig A. Zu Phlegon Mirab. c. 3 // RhM. 1886. 41. S. 627–628*); ἄξει δ' εἰς λεῖπην (*Orth E. Obeloi // Philologische Wochenschrift. 1935. 55. S. 109–110*); ἄξει δ' εἰς Ῥώμην (*saltem ἄξει δ' εἰς ἄστν*) Westermann.

³⁵ Подробнее об Аттале I и Атталидах см. *Климов О.Ю.* Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 18 сл.

³⁶ Исправление на Αἰνίαι вместо рукописного Αἰνιάδοι (см. *Holleaux M.* Sur un passage de Phlegon de Tralles // *Revue de Philologie.* 1930. 4. P. 305–309). Ср. Ливий (XXXVIII. 41): «В этот день войско достигло реки Гебра; отсюда оно прошло через земли Эноса (Aenus) мимо храма Аполлона Зеринфского, как его называют тамошние жители» (пер. А.И. Солопова). Зеринф – местность в Восточной Фракии со святилищами Гекаты и Аполлона.

³⁷ Ср.: «Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой-то равнине и разводят таких больших коней» (*Геродот.* VII. 40, пер. Г.А. Стратановского). См. также *Hanslik R.* Νισαίων πεδίων // *RE.* Bd 17, Sp. 712–713.

³⁸ Речь идет о статуе Гелиоса на запряженной конями колеснице, находившейся в Сиракузах, созданной скульптором Эетионом (колесница с конями, как кажется, была бронзовой, а статуя Гелиоса – позолоченной, см. *Meineke A.* Kritische Blätter // *Philologus.* 1859. 14. S. 22–24). Г.А. Таронян, комментируя пассаж Плиния Старшего (XXXV. 36. 78), замечает, что одни считают скульптора Эетиона, упоминаемого Феокритом (в восьмой эпиграмме – Пал. Ант. IV. 337) и Флегонтом, идентичным живописцу Аетиону у Плиния, другие говорят, что были живописец и скульптор с таким именем (*Таронян Г.А.* Плиний Старший. Естественное. Об искусстве. М., 1994. С. 523). В тексте пророчества говорится, что лишь после того, как эти кони сойдут с пьедестала на землю, Рим подвергнется неисчислимым бедствиям и разрушениям (сткк. 1–8); вторая часть оракула представляет собой каталог уготованных Риму бедствий (сткк. 9–16). Однако невероятность главного условия оракула в стихах (чудесное сходжение скульптурной группы коней с пьедестала) невольно ставит под сомнение реализацию пророчества – гибель Рима (ср. стк. 8 τελεῖται). В данном случае использован поэтический оборот, аналогичный ответу афинян персам: «Пока солнце будет

Медные ясли им сделал, сковал их крепкою цепью,
Гиперионова сына³⁹ отлил он из чистого злата,
В светлом блеске лучей и с очами, сверкавшими ярко.
В день этот, Рим, на тебя обрушатся страшные беды:
Явится мощное войско и всю твою землю погубит:
Площадь твоя опустеет, огонь города уничтожит,
Кровь переполнит потоки, затопит недра земные.
Горького мрачного рабства судьбу ты в тот день испытаешь.
И после битвы не встретит жена победителя-мужа;
Только подземный угрюмый Аид в свое черное царство
Примет погибших отцов и малых детей с матерями.
Тот, кто останется жив, чужеземцам станет слугою.

(12) Сказав это, Публий умолк. Потом, выбежав из лагеря, он взобрался на дерево. Когда он увидел, что множество людей идет за ним, он позвал их к себе и сказал: «Мне, римские мужи и прочие воины, суждено сегодня умереть – рыжий⁴⁰ волк растерзает меня; а вы поверите, что все предсказанное мною сбудется, – и появление этого зверя и моя гибель докажут, что я по божественному внушению сказал вам правду». Кончив эту речь, он велел всем отойти в сторону и не препятствовать волку подойти к нему: если они прогонят волка, им самим придется худо; (13) толпа повиновалась его словам, и через малое время появился волк. Публий, увидев его, сошел с дерева, упал навзничь, и волк загрыз и растерзал его на глазах у всех и, пожравши все его тело, кроме головы, убежал в горы. (14) Когда все бросились к останкам и хотели поднять их с земли и похоронить, как подобает, голова, лежащая на земле, изрекла такие стихи⁴¹:

Не прикасайтесь к моей голове! Закон воспрещает
Тем, кто навлек на себя проклятье могучей Афины,
К этой священной главе прикасаться. Не двигайтесь с места!
Слушайте мои предсказания! Вы истины слово услышите,
Этой землей завладеет Арес беспощадный и мощный,
Многих бойцов он пошлет в Аида черную бездну,
Башни из камня низвергнет, разрушит длинные стены⁴²,
Наши богатства и наших супруг и детей неповинных
Схватит и в Азию всех увезет через волны морские.
Все это Феб Аполлон вам предрекает неложно.
Мощного вестника он за мною послал и уводит
Ныне в жилища блаженных меня, где царит Персефона.

ходить своим прежним путем, никогда мы не примиримся с Ксерксом» (*Геродот*. VIII. 143, пер. Г.А. Стратановского) или вергилиевскому: «Ранее станут пастись легконогие в море олени, чем...» (*Верг*. Эклог. I. 59 сл., пер. С.В. Шервинского).

³⁹ То есть Гелиоса, сына титанов Гипериона и Фейи, брата Селены и Эос (*Гесиод*. Теог. 371–374). «Всевидящего» Гелиоса призывают в свидетели и мстители (Эсх. Пром. 91; Соф. Электра, 825); сам Гелиос и его потомство близки хтоническим силам; в римский период отождествлялся с Аполлоном (*Юлиан*. К царю Солнцу; *Макробий*. Сатурналии. I. 17).

⁴⁰ Как правило, символика рыжего (красного) цвета обычно ассоциировалась со смертью (подробнее о цветовой классификации в архаических культурах см. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. С. 90 сл.).

⁴¹ Подобно «ожившей голове» в фр. 2 мертвая голова Публия обращается к людям с тем, чтобы они не сжигали ее, поскольку она вещает оракул Аполлона (ср. стк. 10: «все это Феб Аполлон вам предрекает неложно»).

⁴² Неясное место. Несмотря на то, что голова Публия пророчествует в Навпакте (Этолия), упоминание о «длинных стенах» (τείχεα μακρά) указывает на Афины.

(15) Все слышавшие это немало были поражены. Воздвигнув на этом месте храм Аполлону Ликейскому («Волчьему»)⁴³ и поставив жертвенник там, где лежала голова, они поднялись на корабли и отплыли – каждый к себе на родину. И сбылось все, что предсказал Публий.

(Продолжение следует)
